

I. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК и ЛИТЕРАТУРА

Е. Л. ЕРМОЛАЕВА

О ЛОЖНЫХ СНАХ, СЛОНОВОЙ КОСТИ И ГЛАГОЛЕ *ἐλεφαίρομαι* (Od. XIX, 560–569)

Вводные замечания. В XIX песни *Одиссеи* Пенелопа рассказывает Одиссею сон о том, как орел, прилетев во двор ее дома, заклевал насмерть всех гусей и улетел, а после вернулся и объяснил ей, плачущей, что гуси — это женихи, а в образе орла явился сам Одиссей, который убьет женихов. Перед нами первое в греческой литературе описание аллегорического сна¹, причем во сне же дается его толкование. Нищий говорит, что этот сон, предсказание самого Одиссея, обязательно осуществится. В ответ на это Пенелопа держит пространную речь о природе снов (XIX, 560–569):

ξείν', ἧ τοι μὲν ὄνειροι ἀμήχανοι ἀκριτόμυθοι
γίνοντ', οὐδέ τι πάντα τελείεται ἀνθρωποισι.
δοιαὶ γάρ τε πύλαι ἀμενηνῶν εἰσὶν ὀνείρων·
αἱ μὲν γὰρ κεράεσσι τετεύχεται, αἱ δ' ἐλέφαντι.
τῶν οἱ μὲν κ' ἔλθωσι διὰ πριστοῦ ἐλέφαντος,
οἳ ῥ' ἐλεφαίρονται, ἔπε' ἀχράαντα φέροντες·
οἳ δὲ διὰ ξεσπῶν κεράων ἔλθωσι θύραζε,
οἳ ῥ' ἔτυμα κραίνουσι, βροτῶν ὅτε κέν τις ἴδῃται.
ἄλλ' ἐμοὶ οὐκ ἐντεῦθεν οἴομαι αἰνὸν ὄνειρον
ἐλθέμεν. . .

‘О, чужеземец, на самом деле, сны непостижимы, не поддаются толкованию, и вовсе не все осуществляется у людей. Ведь существует двое

¹ Hopfner Th. Traumdeutung // RE. 1937. Bd 6A. Sp. 2233–2245.

©Е. Л. Ермолаева, 2007

ворот бестелесных (не имеющих силы)² снов, одни сделаны из рога, а другие из слоновой кости. Те из них, что придут через гладко отполированную слоновую кость, в действительности, вредят, неся слова, которые не осуществляются; те же, что придут через двери из отшлифованного рога, сбываются всякий раз, когда кто-нибудь из смертных их увидит. Но ко мне, я думаю, не отсюда пришел страшный сон¹.

Этот пассаж ставит перед исследователями множество различных вопросов: каковы были представления греков о снах и их природе; говорит ли Пенелопа о какой-то старинной легенде или перед нами фантазия самого поэта; откуда греки импортировали слоновую кость и когда научились ее обрабатывать; как благодаря слоновой кости можно уточнить время появления *Одиссея*³ и т. д. Для нас в первую очередь важно, почему именно о роге и слоновой кости говорится в связи с правдивыми и лживыми снами. И еще один частный лексикологический вопрос: что значит глагол ἐλεφαίρωμα и следует ли относить его к понятийной группе «правда — ложь»⁴?

Слоновая кость была известна грекам еще с микенских времен, на кносских и пилосских табличках зафиксировано существительное e-re-ra и прилагательное e-re-ra-te-jo⁵. Как ни странно, зная слоновую кость, греки, по всей видимости, довольно долго не имели представления о самих слонах. Во всяком случае, первое упоминание об этих замечательных животных появляется только у Геродо-

²Значение слова ἀμενής было не совсем понятно уже в V в. до н. э. У Аристофана в *Пирююцих* (fr. 222 K-A) собеседнику в качестве теста на ученость предлагают объяснить, что значит ἀμενὴν χάρινα. Традиционно толкование этого слова выводится из предполагаемых этимологий: сны либо бестелесны (ἀ-/μῆνος), либо находятся в постоянном движении, не остаются на месте (ἀ-/μῆνω).

³Источником слоновой кости для греков, по мнению Р. Карпентера, была Сирия. Карпентер доказывает, что *Одиссея* могла быть написана в конце VII в. до н. э., связывая датировку со временем прекращения импорта слоновой кости в Грецию в это время, что, по его мнению, нашло отражение в тексте поэмы (*Carpenter R. Folk Tale, Fiction and Saga in Homeric Poems. Berkeley, 1956. P. 101; Иванов Вяч. Вс. О происхождении древнегреческого ἐλέφας «слоновая кость, слон» // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 66–75*). Лоример датирует *Одиссею* последней третью VIII в. до н. э., опираясь на находки предметов из слоновой кости в Греции (*Lorimer H. L. Homer and the Monuments. London, 1950. P. 507*).

⁴LSJ: «cheat, overreach».

⁵*Nordheider H. W. ἐλέφας // LfgrE. Lief. 11. S. 531–532; Иванов Вяч. Вс. О происхождении... С. 66–75.*

та (III, 114; IV, 191)⁶. Таким образом, слово ἐλέφας у Гомера везде обозначает «слоновую кость».

В *Илиаде* слоновая кость возникает как малоазиатская реалья: у Менелая кровь потекла из раны подобно тому, как какая-нибудь меонийская или карийская женщина красит слоновую кость пурпуром (II, IV, 141). В этом случае слоновая кость предназначена для украшения конской сбруи. В II, V, 583 речь тоже идет о конской сбруе, на этот раз пафлагонского возницы Мидона.

В *Одиссее* слоновая кость символизирует роскошь царских дворцов: во дворце Менелая все сияет благодаря золоту, серебру и слоновой кости (IV, 73). Мебель в доме Одиссея инкрустирована слоновой костью. Важно, что вещи эти не привезены, но сделаны на Итаке: кресло Пенелопы — плотником Икмалием, судя по имени, греком (XIX, 56), а знаменитое ложе — самим Одиссеем (XXIII, 200). Ручка ключа от кладовой Одиссея украшена слоновой костью (XXI, 7). Евриал дарит Одиссею драгоценный меч, ножны которого украшены слоновой костью (VIII, 404). Наконец, Афина вернула Пенелопе во сне былую красоту и сделала ее белее слоновой кости (XVIII, 196).

Таким образом, у Гомера описываются предметы, украшенные слоновой костью, в *Илиаде* — заморские малоазиатские, в *Одиссее* — дорогие, но сделанные мастером-греком. Дважды со слоновой костью сравнивается белизна кожи. Последнее, конечно, напоминает о статуях и статуэтках из слоновой кости, которые были известны с микенских времен (Павсаний сообщает о способе сохранять слоновую кость от пожелтения — поливать оливковым маслом; V, 11, 10).

Что касается рога, то в микенском встречается ke-ra KN RA 984 (предположительно о материале) и ke-ra-a KN K 872 «рога». У Гомера κέραс обозначает рог животного, материал, метонимически — рукав реки и, возможно, волосы, кудри (II, XI, 385). В гомеровских поэмах говорится о том, что к рогу подвешивали свинец в качестве грузила для ловли рыб (II, XXIV, 81; Od. XII, 253). Роговыми пластинками укреплялся лук: Одиссей, взяв в руки свой лук, смотрит, не источили ли черви на нем рог (Od. XXI, 395). Наконец, в Od. XIX, 211 сказано, что у Одиссея «роговеют» глаза:

ὄφθαλμοὶ δ' ὡς εἰ κέρα ἔστασαν ἠὲ σίδηρος
ἀτρέμας ἐν βλεφάροισι.

⁶ Treu M. Homer und das Elfenbein // Philologus. 1955. Bd 99. S. 151.

‘Глаза же застыли неподвижно’ или ‘взгляд стал неподвижен, как рог или железо’.

Из этих мест видно, что рог — это дешевый, обычный, твердый материал.

Очевидно, что и рог, и слоновая кость у Гомера не имеют никакого отношения ни к снам, ни к воротам, ни к правде, ни, наконец, ко лжи. По-видимому, что у грека слоновая кость должна была бы ассоциироваться с чем-то настоящим, подлинным, а рог, — скорее, с подделкой, обманом, ведь эрзац слоновой кости делали из рога. Однако у Гомера сказано наоборот.

В книге о золоте и слоновой кости в греческой мифологии Лоример отмечает, что слоновой кости в фольклорной греческой традиции нет⁷. С VII–VI вв. до н. э. слоновая кость неизменно ассоциируется с хрисоэлефантинной техникой и является дорогим, возможно, импортируемым из Малой Азии, материалом, из которого изготовляли статуи богов. Поэтому, считает Лоример, в мифе о Пелопсе боги восстановили Пелопсу съеденную Деметрой лопатку именно из слоновой кости (заметим к тому же, что Пелопс был малоазийского происхождения). Пигмалион, изваявший Галатею из слоновой кости, жил на Кипре (предполагают, что Микены импортировали слоновую кость из Малой Азии через Кипр⁸).

Литературные реминисценции к нашему пассажию. О воротах из рога и слоновой кости впервые после Гомера, причем его же перифразируя, говорит Платон: ἄκουε δὴ, ἔφην, τὸ ἐμὸν ὄναρ, εἶτε διὰ κεράτων εἶτε δι’ ἐλέφαντος ἐλήλυθεν (Charm. 173a). Все остальные известные нам упоминания довольно поздние: Anth. Pal. VII, 42 (Diodorus Epigrammaticus, I в. до н. э.), Lucian. Ver. hist. II, 32–33, Philostr. Imag. I, 27, Nonn. Dion. XXXIV, 90; XLIV, 53. Во всех пассажах гомеровский образ появляется как поэтическое иносказательное обозначение хороших и дурных снов. Лукиан прямо ссылается на Гомера как на единственного поэта, описавшего город снов, и, упрекая его в неточности, дорисовывает картину: πύλαι μέντοι ἔπεισιν οὐ δύο, καθάπερ Ὅμηρος εἶρηκεν, ἀλλὰ τέσσαρες, δύο μὲν τῆς Βλακείας πεδίον ἀποβλέπουσαι, ἡ μὲν σιδηρᾶ, ἡ δὲ κεράμου πεποιημένη, καθ’ ἃς ἐλέγοντο ἀποδημεῖν αὐτῶν οἳ τε φοβεροὶ καὶ φονικοὶ καὶ ἀπηνεῖς, δύο δὲ πρὸς τὸν λιμένα καὶ τὴν θάλατταν, ἡ μὲν κερατίνη, ἡ δὲ καθ’

⁷ Lorimer H. L. Gold and Ivory in Greek Mythology. Oxford, 1936. P. 32–33.

⁸ Иванов Вяч. Вс. О происхождении... С. 73.

ἦν ἡμεῖς παρήθομεν ἐλεφαντίνῃ (‘Однако ворот не двое, как сказал Гомер, а четверо, двое обращены к долине Тупоумия, одни железные, другие сделаны из глины, из которых соответственно выходят ужасные, убийственные и жестокие из них (снов), двое же к гавани и к морю, одни роговые, а другие, через которые вышли мы, из слоновой кости’). Так Лукиан с помощью иносказания говорит читателю, что его герои — плуты и вруны.

Одной из интерпретаций пассажа из *Одиссеи* нужно считать имитацию Вергилия в VI песни *Энеиды*. Вергилий подражает Гомеру, однако в его стихах нет игры слов, как это было у Гомера, мысль выражена короче и определеннее, сны прямо названы *falsa insomnia*⁹ и *verae umbrae* 894, 896.

Sunt geminae Somni portae, quarum altera fertur
cornea, qua veris facilis datur exitus umbris,
altera candenti perfecta nitens elephanto,
sed falsa ad caelum mittunt insomnia manes.

‘Существуют двое ворот сна, одни из которых, говорят, роговые, через которые дается легкий выход теням правдивым, другие сияют, изготовленные из сверкающей слоновой кости, но маны посылают к небу лживые сны’.

Ворота из рога, как можно догадаться из-за отсутствия каких-либо определений к ним, скромны, особенно по контрасту с воротами из слоновой кости. Очевидно, правда ассоциируется с простотой и скромностью, а ложь — с роскошью, символом которой является слоновая кость. К тому же, и сама слоновая кость, т. е. ее эрзац, может быть примером подделки, фальшивый же рог — вещь труднообразимая.

У Вергилия возникает другая загадка: почему Анхиз посылает Энея и Сивиллу через ворота слоновой кости? Возможно, потому, что они отнюдь не настоящие обитатели подземного царства, т. е. не тени¹⁰? Другое толкование, принятое, как кажется, большинством

⁹Слово *insomnia* в значении ἐνύπνια не встречается до Вергилия, Сервий поясняет: *insomnia* это *somnia*, однако есть некоторое отличие, которое заключается в том, что *insomnia* это сновидения, а *somnia* — состояние сна (*Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii* / Rec. G. Thilo et H. Hagen. Vol. 2 (VI–XII). Lipsiae, 1884. P. 122–123).

¹⁰*Austin R. S. Aeneidos liber VI with a Commentary*. Oxford, 1977. P. 275–276.

исследователей¹¹, связано с широко распространенным у римлян поверьем о том, что до полуночи приходят ложные сны, а после полуночи настоящие (Hor. Sat. I, 10, 33). Вергилий, таким образом, говорит, что Эней с Сивиллой оставили царство мертвых вместе с ложными снами до полуночи¹².

Схолии. Теперь обратимся к толкованиям александрийских филологов. В схолиях к *Одиссее*¹³ содержится, по меньшей мере, четыре объяснения.

1) Одни ученые видят здесь синекдоху, так что под рогом подразумеваются глаза, а под слоновой костью рот. Κερατοειδής γὰρ ὁ πρῶτος χιτῶν τοῦ ὀφθαλμοῦ (. . .) ἐλεφαντόχρωτες γὰρ οἱ ὀδόντες. ἐκ δὲ τούτων πιστότερα εἶναι τὰ ὀρώμενα τῶν λεγομένων (‘Ведь первое покрытие (*букв.* первый хитон) глаза роговидно (. . .) а зубы — цвета слоновой кости. Отсюда следует: то, что мы видим, достовернее того, что нам говорят’) (562, 563). К тому же схолиаст добавляет, что через рог можно видеть, а через слоновую кость нет. Эта интерпретация похожа на разгадывание грифа, каковым, видимо, и воспринимался пассаж из *Одиссеи*. Судя по тому, что она стоит на первом месте в схолиях и повторяется у Сервия в комментарии к Вергилию (Aen. VI, 893)¹⁴, эта «загадка» была популярна в античности.

2) Физиологическое толкование. Слоновая кость — рот, а значит, ὅσα ἄν τις ἐν πλησμονῇ τροφῆς ἴδοι, ταῦτα εἶναι ψευδῆ (‘все те (сны), что увидит кто-то с полным желудком, будут ложными’) (562). Рога находятся на голове, значит, правдивые сны идут от головы. Такое объяснение природы снов также было популярным, о нем говорит Платон (Resp. 571c – 572a), Цицерон (De div. I, 19, 60–61; Tusc. IV, 10).

3) Парономасия: κερατίνην μὲν τὴν ἀληθῆ παρὰ τὸ ἔτυμα κραίνειν καὶ τελειοῦν, ἐλεφαντίνην δὲ τὴν ψευδῆ: ἐλεφήρασθαι γὰρ τὸ παραλογίσασθαι καὶ ἀπατῆσαι (562). Схолиаст объясняет появление слова «рог» влиянием похоже звучащего глагола κραίνειν (ἔτυμα κραίνειν — делать

¹¹Everett W. Upon Virgil, Aeneid VI, 893–898 // CR. 1900. Vol. 14. P. 153–154; Norden E. P. Vergilius Maro Aeneis. Buch VI: 3. Aufl. Leipzig, 1934. S. 348; Fletcher F. Virgil. Aeneid VI: 4th ed. Oxford, 1955. P. 101–102.

¹²После Вергилия о воротах и снах пишут Stat. Silv. 5. 3. 288–9; Auson. Ephemer. VIII, 24–26, etc.

¹³Scholia Graeca in Homeri Odysseam ex codicis aucta et emendata / Ed. G. Dindorf. Oxonii, 1855. Vol. 2. P. 685–686.

¹⁴Servii Grammatici qui feruntur... Vol. 2. P. 122–123.

правдивыми), а «слоновую кость» соседством с ἐλεφθήρασθαι ‘обманывать’.

4) Мифологическое объяснение. Существуют сны небесные и хтонические: о первых сказано, что они от Зевса καὶ γάρ τ' ὄναρ ἐκ Διός ἐστι (Ш. I, 63), другие — тот самый народ снов, который живет близ ворот Гелиоса, недалеко от входа в Аид. Мимо этого народа Гермес ведет души убитых женихов в подземное царство (Od. XXIV, 12). Это справедливо, но, чтобы объяснить связь этих снов с материалом, из которого сделаны ворота, схолиасту придется проявить недюжинную изобретательность, например, напоминая читателю, что обычные рога устремлены вверх к небу, рога же слонов (видимо, бивни. — *E. E.*) смотрят вниз (562, 563).

В комментарии к *Одиссее* Евстафий замечательно характеризует усилия своих предшественников разгадать тайну гомеровских ворот (713, 30–31): τὰς τῶν ὀνείρων ταύτας θύρας ἐξέτριψαν πολλοὶ τῶν σοφῶν (‘много ученых истерло эти ворота снов’) ¹⁵.

Интерпретации XIX–XX вв. В XIX в. преобладала точка зрения ¹⁶, согласно которой стихи о воротах и снах — интерполяция приблизительно VI в. до н. э. По мнению ее сторонников, Пенелопа не могла произносить столь интеллектуальные речи, насыщенные изысканной игрой слов в духе софистических декламаций.

В XX в., как пишет Эни Эмори, «все переложили ответственность за интерпретацию этих стихов на Хайбарджера» ¹⁷, книга которого вышла в 1940 г. Хайбарджер обращает внимание на то, что в гомеровском пассаже рога стоят во множественном числе, в то время как слоновая кость в единственном. Из этого он делает вывод, что речь идет не о роге как о материале, но о рогах, т. е. о воротах, украшенных рогами. Такая практика была широко распространена в Средиземноморье, на Востоке и в Египте. Рога быков символизировали могущество, жизненную силу ¹⁸. Однако объяснить ворота из слоновой кости оказалось гораздо сложнее. Хайбарджер сопоставляет их с небесными воротами олимпийских богов. Облака

¹⁵ *Eustathius*. Commentarii ad Homeri Odysseam / Ed. G. Stallbaum. Vol. 2. Leipzig, 1826. P. 22–23.

¹⁶ *Wilamowitz-Möllendorff U.*, von. Die Heimkehr des Odysseus. Berlin, 1927. S. 87; *Amory A.* The Gates of Horn and Ivory // *YCS*. 1966. Vol. 20. P. 5.

¹⁷ *Amory A.* The Gates of Horn and Ivory. P. 7; *Highbarger E. L.* The Gates of Dreams: An Archaeological Examination of Vergils Aeneid 6. 893–6. Baltimore, 1940.

¹⁸ *Onians R. B.* The Origins of European Thought. Cambridge, 1988. P. 238.

ассоциируются со слоновой костью, основание для сравнения — белизна и блеск. Через эти ворота боги посылают людям губительные сны. С этой интерпретацией можно было бы согласиться только в ее археологической части, объясняющей ворота из рога.

Й. Хундт в книге о снах у Гомера доказывал¹⁹, что выбор материала, из которого сделаны ворота, определялся не более, чем ассоциацией слов *хэрас* — *κραίνειν*, *ἐλέφας* — *ἐλεφαίρεσθαι*. Напомним, что идея о параномасии присутствует уже в античных схолиях. После появления работы Хайбарджера такую точку зрения принято было считать наивной²⁰. Однако через 20 лет после Хундта Р. Карпентер и М. Трой снова пишут о параномасической шутке и вымысле самого Гомера²¹. Кстати, Трой предлагает представлять ворота инкрустированными с помощью пластинок из рога и слоновой кости²².

Эмори детально разбирает различные точки зрения на «гомеровские ворота», причем ее отношение к «спекуляциям» Хайбарджера самое критическое²³. Сама она предлагает символическое толкование: рог связан с Одиссеем, поскольку он знает правду, т. е. настоящее положение вещей, а слоновая кость — с Пенелопой, потому что она заблуждается. Однако такого рода аллегорические трактовки гомеровского текста противоречат поэтике эпоса.

Народная мифообразующая этимология. Стихи Od. XIX, 560–569 звучат так, как будто передают какое-то народное верование. Но поскольку все упоминания в античной литературе о воротах из слоновой кости и из рога и снах восходят к Гомеру, а среди фольклорных мотивов подобная пара ворот не встречается²⁴ (кстати, новизна слоновой кости в эпоху *Одиссеи* также показывает, что это представление нетрадиционно), можно предположить, что это образ принадлежит автору *Одиссеи*. В то же время вряд ли Гомеру принадлежат сами представления о воротах сна (Od. IV, 809),

¹⁹ *Hundt J.* Der Traumglaube bei Homer. Dallmeyer, 1935. Эта книга оказалась недоступной для нас, однако мнение Хундта нам известно по ссылкам на его книгу, например, у Эмори.

²⁰ *Rank L. Ph.* Etymologiseering en verwante verschijnselen bij Homerus: Diss. Assen, 1951. P. 106.

²¹ *Carpenter R.* Folk Tale, Fiction and Saga in Homeric Poems. P. 101; *Treu M.* Homer und das Elfenbein. S. 157.

²² *Ibid.*

²³ *Amory A.* The Gates of Horn and Ivory. P. 3–57.

²⁴ *Thompson S.* The Motives of Folk-Literature. Vol. 1–4. Bloomington, 1932–1936.

о том, что существует народ снов (XXIV, 12), или о том, что сны подобны душам умерших (XI, 207)²⁵. Такие представления характерны не только для греков, но и для других народов.

У Гомера следует различать ὄνειρος, ὄνειρατα, ὄναρ²⁶ ‘сон-призрак и сновидение’ и ὕπνος ‘состояние сна’. Сны-призраки обычно приходят или прилетают к человеку и, кроме того, обладают одним весьма важным качеством — умением говорить. Нередко эти сны названы губительными: κακὸν ὄναρ (II, X, 496), ὄνειρος οὖλος ‘губительный’ (II, II, 6; 8) и αἰνός ‘ужасный’ (Od. XIX, 568), в отличие от ὕπνος, у которого, напротив, эпитеты похвальные: ‘медовый’, ‘амброзический’ и др. Учитывая сказанное, вернемся к пассажиру из *Одиссеи*. О снах ὄνειροι, которые не осуществляются, сказано, что они *губят* ἐλεφάρονται человека.

Ключевое слово в рассматриваемом пассаже — ἐλεφάρονται. Пенелопа считает, что ее сон из несчастливых ворот и, следовательно, не сбудется, но, заронив надежду, тем самым причинит ей боль (ἐλεφάρονται). Глагол ἐλεφάρομαι встречается в греческой литературе еще лишь в двух местах²⁷, где он значит «причинять вред».

II. XXIII, 388:

οἱ δὲ οἱ ἐβλάβησαν ἄνευ κέντροιο θέοντες.
οὐδ' ἄρ' Ἀχθναίην ἐλεφηράμενος λάθ' Ἀπόλλων
Τυδεΐδην...

‘Они (кони) отстали у него (у Диомеда), поскольку бежали без стрелкала. Но от Афины не укрылся вред, причиненный Тидеиду Аполлоном’ (Аполлон выбил бич у него из рук. — *E. E.*).

Hes. Theog. 330:

ἐνθ' ἄρ' ὁ γ' οἰκείων ἐλεφάρετο φύλ' ἀνθρώπων

‘Там обитая, он губил племена людей’ (о Немейском льве).

²⁵Об отношении греков к снам, о восприятии снов, о классификации снов в более позднее время, по Макробию, Артемидору и другим авторам и т. п. см.: *Dodds E. R. The Greeks and the Irrational*. Berkeley, 1959. Ch. «Dream-Pattern and Culture-Pattern». P. 102–135.

²⁶*O'Sullivan J. N.* ὄναρ, ὄνειρος, ὄνειρατα // *LfgreE. Lief. 17. S. 706–707.*

²⁷*Nordheider H. W.* ἐλέφαρ. S. 530–531. Полагаясь на интуицию А. И. Зайцева, приведем слова, которыми он охарактеризовал этот глагол при обсуждении доклада, предшествовавшего этой статье: «кажется, что это непоэтический глагол, но он как-то “сгинул” после Гомера».

Впоследствии это слово выйдет из употребления и станет достоянием схолиастов и лексикографов. Этимологию слова ἐλεφάρω связывают с ὀλοφώιος (‘опасный, губительный, коварный’)²⁸. Имя собственное Ἐλεφήνωρ, единственное известное нам слово, производное от ἔλεφάρω (из *Ελεφηρ-ήνωρ²⁹), вероятно, значит, «тот, кто губит мужей». В П. XXIII, 388 ἐλεφάρομαι — синоним βλάπτω, возможно, более выразительный. В представлении о том, что сны губят, губительны, нет ничего необычного, как было показано выше. Поэтому ἐλεφάρονται в разбираемом пассаже Одиссеи следует понимать не как «обманывают», но как «вредят, губят».

По-видимому, ἐλεφάρονται у Гомера традиционно понимают как «обманывают», а сны как лживые³⁰ под влиянием пассажа о снах у Вергилия³¹, который, собственно, переводит Гомера, опуская игру слов и не воспроизводя энигматический характер гомеровских стихов. Это Вергилий произносит слова *veris umbris, falsa insomnia*. Очевидно, что основанием для такого толкования становится выражение ἔτυμα κραιόνουσι ‘действительно осуществляются’. Однако у Гомера ἔτυμα κραιόνουσι следует противопоставить не глаголу ἐλεφάρονται, а скорее выражению ἔπε’ ἀκράντα ‘слова, которые не осуществляются’, тем более что связь между этими выражениями подчеркивается аллитерацией κραιόνουσι — ἀκράντα.

Нет оснований предполагать, что до Гомера было представление, которое связывало бы ложные и правдивые сны с воротами из слоновой кости и из рога. Считалось, что сны появляются из ворот, и что они могут приносить человеку неприятности (ὄνειρος οὖλος, αἴνός). Последнее в пассаже Od. XIX, 560–569 было выражено глаголом ἐλεφάρονται (ср. οὖλος, ὀλοφώιος). По созвучию с ἐλεφάρονται (а не наоборот) появляется слово ἐλέφας. Рога коровы и рога слона (а именно так, κέρατα, говорит о бивнях схолиаст) — удачный образ для антитезы: одни дешевы, доступны и хорошо знакомы, другие дороги, служат материалом для изысканных вещей, нередко привозных и необычных. Поэтому рядом с ἐλέφας появляется κέραс.

²⁸Ibid. S. 530.

²⁹Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots. Paris, 1968. T. 2. P. 338.

³⁰LSJ: «cheat, overreach».

³¹О влиянии знаменитой имитации Вергилия на восприятие стихов Гомера упоминает Дж. Руссо в комментарии к стихам Od. XIX, 565–567 (A Commentary on Homer's Odyssey: In 1–6 Vols / Ed. A. Heubeck, S. West, J. V. Hainsworth. Oxford, 1988–1995. Vol. 3. P. 103–104).

По созвучию с κέρας вместо обычного глагола, указывающего на осуществление снов, τελεθεῖν, τελέομαι (Π. Π, 36; Od. XIX, 561), появляется глагол κραίνειν и выражение ἔπε' ἀκράαντα.

Таким образом, мы предполагаем, что загадочный образ ворот из слоновой кости, из которых выходят губительные (= ложные) сны, принадлежит самому автору *Οδυσσευ*, небезразличному к народным этимологиям на основе паронимии³². Напомним, например, знаменитое место в Od. XIX, 407, где имя Одиссея объясняется тем, что так его нарек дед Автолик, который был в тот момент рассержен ὀδυσσάμενος, или Χαρύβδα — ἀναρυβδεῖ (Od. XII, 104), Σκύλλη — λελακυῖα — σκύλακος (Od. XII, 85–86) и т. д.

В гомеровском эпосе есть и многочисленные примеры аллитераций:

Π. XIX, 410: στήμεναι ἀντία σεῖο· ἔλομι κεν ἤ κεν ἀλοίην.

Π. XXII, 253: ἐστάμεναι κρατερῶς, ἤ τ' ἔβλητ' ἤ τ' ἔβαλ' ἄλλον.

Π. XVIII, 309: ζυγὸς Ἐνυάλιος, καί τε κτανέοντα κατέχτα.

Встречаются и примеры того, как игра слов, основанная на аллитерации (не ясно, правда, осознанная ли) создает поэтический образ: поколения людей уподобляются листьям Π. VI, 146 οἷη περ φύλλων γενεῇ τοιῇ δὲ καὶ ἀνδρῶν, где γενεῇ ἀνδρῶν, возможно, намекает на φύλα; ср., например, в Π. XVII, 220 Гектор обращается к союзникам: φύλα περιχτιόνων ἐπιχούρων.

В результате мы приходим к следующим выводам. Пассаж Od. XIX, 560–569 — пример того, как красивый поэтический образ создает загадочный миф. Гомер словно бы инкрустировал слоновой костью и рогом уже существовавшие в представлении греков ворота снов и вывел из них лживые и правдивые сны. Выражение «выйти из ворот слоновой кости» после Гомера иносказательно значит «солгать».

Глагол ἐλεφάριω, если и принадлежит к лексико-семантическому полю «ложь», то лишь к его периферийному слою, поскольку его основное значение — «губить».

Summary

In this paper the author tries to find a source of enigmatic passage in *Odyssey* (Od. XIX, 560–569) where Penelope gives the first in the ancient

³² Rank L. Ph. Etymologiseering en verwante verschijnselen bij Homerus. Passim.

Greek literature allegoric interpretation of her dream: she explains the dreams coming out of the ivory gate as false, while the ones coming out of the horn gate as true. This passage of *Odyssea* in its own turn became a source for a lot of literature reminiscences, some of which also were interpretations: Plat., Charm. 173 a; Luc., Ver. hist. II, 32–33; Virg., Aen. VI, 893–898 etc. Besides there are four explanations in Scholia: synecdoche, paranomasia, physical and mythological ones. In the 20th century old theories were opposed by archaeological and structuralist ones, which nevertheless did not make right decision.

Author comes to the following conclusions. The motives of horn and ivory have nothing to do with gates and dreams, with ideas of lie and truth both in Greek mythology and in the mythology and folk-literature of other nations. Homer's image of the gates of dreams seems to arise from the tradition proceeding to him, but the association of ivory and horn gates with the false and true dreams respectively doesn't follow any tradition and seems to belong to Homer himself. Poet creates a striking enigmatic image using the word play of folk etymologies, which he likes: an epic word ἐλεφαίρονται calls ἐλέφας, then in turn κέρασ as a usual antithesis to ἐλέφας calls κραίνειν and ἀκράαντα.